

Фан Цзянь, опасаясь и дальше портить настроение Жун Чжао, не стал развивать тему Ли Мингу, но вспомнил о другом, не менее важном обстоятельстве.

— Ваше Высочество, мне показалось, что недавно у вас проявились признаки... — собеседник замаялся, на его лице отразилась глубокая тревога. — Должно быть, я ошибся?

Князь нахмурился и после недолгого молчания сухо ответил:

— Нет.

Он действительно был на грани очередного приступа.

— Что?! — Фан Цзянь вздрогнул. — Но... тогда почему всё обошлось?

Жун Чжао был выдающимся господином — как в плане личных способностей, так и в умении управлять людьми. Единственным его уязвимым местом оставался опасный недуг, превращавший его в безумца, способного искалечить любого.

Никто не знал наверняка, стало ли причиной детское потрясение или действие яда, но вскоре после гибели семьи Цзин-гогуна у князя появилась эта странная болезнь. Стоило какому-нибудь внешнему раздражителю спровоцировать вспышку, как он терял рассудок, погружаясь в хаос кровавых иллюзий. В такие моменты он переставал узнавать союзников и атаковал любого, кто оказывался поблизости.

Учитывая его невероятное мастерство в боевых искусствах, противостоять ему в безумии мог лишь Сяо Юэмин — и то лишь для того, чтобы дать остальным время скрыться. Если бы не эти предосторожности, за поместьем князя Ли давно закрепилась бы слава места кровавой бойни. Даже лучшие из Тёмных стражей не раз получали тяжелые ранения, пытаясь утихомирить своего господина.

К счастью, со временем Жун Чжао научился железной волей сдерживать внутреннего зверя. С помощью одного божественного лекаря он смог частично взять недуг под контроль. Теперь приступы случались редко, и перед окончательной потерей сознания у него оставалось немного времени, чтобы запереться в специальной тайной комнате. Однако если безумие всё же брало верх, остановить его было невозможно. И поскольку внутренняя сила князя с годами лишь росла, теперь никто не осмеливался даже приближаться к нему во время вспышки.

Хотя Жун Чжао благодаря собственной воле и помощи лекаря удавалось выигрывать время, он всё ещё не мог полностью избежать впадения в состояние беспамятства. С точки зрения Фан Цзяня и остальных, этот процесс был необратимым: если появились первые признаки, значит, вскоре он окончательно впадёт в неистовство. Именно поэтому то, что князь выглядит сейчас

абсолютно нормальным, вызывало у стража такое недоумение.

— Неужели за это время ваше состояние улучшилось? — с надеждой в голосе спросил Фан Цзянь.

Жун Чжао на мгновение задумался, глядя в пустоту, и уклончиво обронил:

— Возможно.

Собеседник не заметил сложности этого взгляда и искренне обрадовался:

— Если так пойдет и дальше, то недуг Вашего Высочества может окончательно отступить! Какое счастье, что мы тогда встретили старейшину Чжунуа. Он и впрямь великий целитель!

— Ваше Высочество, может быть, стоит всё же пригласить лекаря, чтобы он осмотрел вас? — воодушевленно продолжал Фан Цзянь. — Вдруг остались какие-то последствия? Если серьезных проблем нет, это станет лучшей новостью за долгое время!

Жун Чжао почти не слушал восторженные речи подчиненного. Его мысли были заняты другим.

Божественный лекарь Чжун действительно много сделал для него, но с самого начала честно предупредил: эту болезнь невозможно излечить полностью. Можно лишь временно облегчить страдания, но цена будет непомерно высока. Травма, полученная в детстве, была слишком глубокой, а яд в крови — слишком сложным. Болезнь поразила самое сокровенное — разум, и за годы превратилась в застарелую рану, которую нельзя было просто вырезать.

Старейшина говорил, что если бы его терзал только яд или только душевный недуг, он бы нашел решение. Но в теле Жун Чжао они сплелись в неразрывный узел, подпитывая друг друга. Любая попытка полностью вывести яд могла окончательно разрушить сознание князя. Лекарства могли лишь притупить боль.

Чтобы не сойти с ума окончательно, мужчине следовало жить в полном покое, отказавшись от гнева и использования боевых искусств. Альтернативой было подавление яда с помощью внутренней энергии, что уменьшало частоту приступов, но не лечило причину. Жун Чжао, обремененный кровной мезтью и ответственностью за армию Северо-Запада, не мог позволить себе уйти в глухие леса. Он выбрал второй путь.

Но этот путь напоминал попытку утолить жажду ядом. Чем больше внутренней силы он использовал для сдерживания недуга, тем быстрее токсины вместе с током крови проникали в его органы, разрушая тело изнутри. Старейшина Чжун не хотел раскрывать ему этот метод, ведь борьба с «демоном разума» была мучительной, а расплатой становилось стремительное сокращение срока жизни.

Без соблюдения покоя Жун Чжао оставалось бы чуть больше десяти лет. Но с использованием метода подавления этот срок сокращался до менее чем десяти лет. На поверхности он казался сильнее и могущественнее любого воина в Поднебесной, но его внутренности медленно увядали. Стоило князю хоть раз не выдержать нагрузки, и его жизнь могла внезапно оборваться.

Он скрыл правду от подчиненных. Если бы они поняли, что их предводитель медленно умирает, многие потеряли бы волю к борьбе, а другие попытались бы силой заставить его лечиться, что привело бы лишь к раздорам. Старейшина Чжун обещал хранить тайну. Поэтому приближенные считали редкие приступы признаком выздоровления, не подозревая, какой ценой оно дается.

То, что сегодня Жун Чжао смог полностью подавить начавшуюся вспышку и вернуться в нормальное состояние, по мнению лекаря Чжуна, было невозможно. Разве что в мире существовало легендарное снадобье, способное исцелять любые яды и возвращать мертвых к жизни.

Сначала князь и сам был поражен, но вскоре осознал закономерность. Сегодня его лекарем выступил не старейшина Чжун, а Чжу Цзылин.

Его первый приступ случился тринадцать лет назад на лобном месте, где казнили семью Цзин-гогуна. В тот самый день, когда он встретил Чжу Цзылина. С тех пор любое упоминание о той расправе становилось ключом, открывавшим врата безумия. Ли Мингу, ослепленный собственным пафосом, посмел задеть его памятью матери и деда, едва не столкнув князя в бездну. Но в тот момент, когда в голове пульсировала боль, а мир окрашивался в багрянец, он услышал не крики ужаса, а звонкий, дерзкий и очаровательный голос юноши, вставшего на его защиту.

Этот голос, словно луч света, пробившийся сквозь грозовые тучи, мгновенно выжег всю злобу. Как и много лет назад, прохладный ветерок развеял кровавый туман, возвращая ему ясность рассудка. Жун Чжао не ожидал, что всего пара фраз ванфэй спасет его от невыносимых мук. Возможно, в этом мире и не было чудесных снадобий, но для него этим снадобьем стал сам Чжу Цзылин.

Он должен был догадаться об этом раньше. Осознание этой истины наполнило душу князя сложным чувством. К счастью, пока остальные были заняты спором, никто не заметил его замешательства. Юноша мог усмирить его безумие, но Жун Чжао не собирался рассказывать об этом.

Осадив любопытство Фан Цзяня, князь взглянул на остывшую лапшу, помедлил и медленно доел её до конца. Старейшина Чжун говорил: если бы удалось вылечить хотя бы одну составляющую болезни на ранней стадии, жизнь можно было бы спасти. Но теперь, когда яд пропитал всё тело, исцеление от безумия уже ничего не меняло. Яд в крови оставался смертельным, а значит, избавление от приступов было лишь приятной, но бесполезной деталью.

«Если бы я нашел его раньше... Мог бы я тогда полностью исцелиться, а не просто подавлять болезнь?»

В его сердце на миг вспыхнуло страстное желание прожить еще несколько лет, сделать больше... Но он тут же подавил эту неуместную слабость. В те годы он сам был в опасности, и поиски Чжу Цзылина ради собственного спасения могли лишь погубить ребенка.

«У меня несчастливая судьба, лучше не втягивать его в это».

Лицо Жун Чжао вновь стало холодным. Он не собирался никому открывать свою тайну и уж тем более не планировал просить ванфэй о помощи при следующем приступе. До этого момента князь никогда не заботился о собственном здоровье. Уговоры Ван Сяньхэ о еде, советы лекаря Чжуна о покое — всё это проходило мимо его ушей. Жизнь без мести не имела смысла, а долголетие казалось обузой. И всё же... почему именно сейчас в его душе зашевелилось это пугающее желание пожить подольше?

Мужчина тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Пути назад не было.

***

Тем временем Чжу Цзылин, окрыленный получением здания, с энтузиазмом взялся за планирование своего будущего Гастрономического города. И чем добрее казался ему Жун Чжао, тем смелее юноша становился в своих просьбах. В конце концов, он ведь был «щитом» князя, а за хорошую работу полагается награда. С этой мыслью ванфэй вновь отправился к мужу, вооружившись новыми «инструкциями» по поиску ингредиентов.

— Это картофель, а это — репчатый лук. Поверьте, это невероятно вкусно! — завлекательно начал юноша. — Если мы добавим их в као лэнмянь, Ваше Высочество будет просто в восторге!

Жун Чжао хранил молчание, сохраняя мрачный вид.

— Этот лук растет не за океаном, а где-то на западе, — продолжал ванфэй. — Вам даже не нужно посылать корабли, достаточно расспросить торговцев из Западного края. Наверняка они могут его привезти!

«Западный край?» — Жун Чжао заинтересованно приподнял бровь. Отправить людей к западным границам было куда проще, чем в морскую экспедицию. Неужели юноша наконец-то начал просить что-то реальное?

Но следующая фраза Чжу Цзылина разбила его надежды:

— Но лук — это мелочь. Картофель куда важнее! За ним всё-таки придется плыть за океан, так что Вашему Высочеству лучше поторопиться с подготовкой людей.

Жун Чжао помрачнел.

— Ванфэй снова предается фантазиям? — сухо бросил он.

Если бы враги были повержены, князь, возможно, и выделил бы ресурсы на подобную прихоть. Но сейчас, когда каждый человек был на счету, морская экспедиция ради еды казалась верхом безрассудства. Впрочем, он убеждал себя, что отказывает лишь из желания приструнить не знающего границ юношу.

Однако Чжу Цзылина было не так-то просто остановить.

— Ваше Высочество, вы только представьте: картофель — это культура, дающая урожай в тысячу цзиней с одного му! Если мы привезем его, никакие затраты на экспедицию не сравнятся с выгодой!

Раньше юноша рисовал лишь то, что хотел съесть сам. Но вспомнив о картофеле, он осознал, что для этого мира высокая урожайность будет куда весомее, чем вкус перца. Жун Чжао, стремящийся к власти, просто не мог игнорировать вопрос продовольствия.

Реакция князя была мгновенной:

— Тысяча цзиней с му? Ванфэй, ты бредишь?

В Великой Ци лучшая земля приносила от силы двести-триста цзиней зерна. О тысяче никто даже не слышал.

— Это чистая правда! Разве я стал бы обманывать Ваше Высочество?

— Может быть, ванфэй просто использует этот «картофель» как наживку, чтобы я отправил людей за его любимым перцем?

Чжу Цзылин неловко кашлянул. Князь был прав лишь отчасти — перец юноша действительно любил больше, но в вопросе урожайности он не лгал.

— Ваше Высочество слишком подозрительны. Клянусь, я говорю правду! — Цзылин старался смотреть как можно искреннее. — За океаном есть множество удивительных растений. Кроме картофеля, там растет арахис — он дает восемьсот цзиней с му, и из него можно выжимать отличное масло! А есть еще батат — он еще урожайнее картофеля и невероятно вкусный! Неужели Ваше Высочество позволит такому богатству остаться за морем?

Разум Жун Чжао твердил, что всё это — сказки. Как могло быть так, что в огромной Ци нет ни одной подобной культуры, а на далеких землях их в изобилии? Он хотел было окончательно

отказать, но, встретившись взглядом с юношей, неожиданно произнес:

— Посмотрим...

Чжу Цзылин остался недоволен:

— Что значит «посмотрим»? Каждый день промедления — это потеря для страны!

— Откуда ванфэй всё это знает? — ледяным тоном спросил Жун Чжао. — И как ты докажешь, что эти растения существуют?

Цзылин невинно моргнул:

— Когда я тонул и лежал без сознания, мне явился бессмертный во сне и поведал об этом. Все новые блюда, что я готовлю для вас, тоже оттуда. Разве этого мало для доказательства? Да и как бы я мог сам выдумать столько подробностей?

Жун Чжао промолчал. Рисунки юноши определенно не выглядели как нечто божественное, но в его словах была странная убедительность. Они и раньше гадали, откуда избалованный молодой господин знает столько необычных блюд. Версия со сном выглядела хоть и фантастично, но в рамках этого мира объясняла многое. Хотя в бессмертных князь не верил.

— А то, что ванфэй замечает моих Тёмных стражей — это тоже уроки «бессмертного»? — внезапно спросил Жун Чжао.

Чжу Цзылин на мгновение замер, но быстро кивнул:

— Можно и так сказать. Те два дня забытья показались мне вечностью.

«Целых две жизни», — добавил он про себя.

Князь долго всматривался в его черные глаза, но больше не стал расспрашивать о таинственном сне.

— Я понял, — сухо бросил он. — Можешь идти.

Ванфэй расценил это как согласие и просиял:

— Спасибо, Ваше Высочество! Я пришлю вам подробные описания арахиса и батата. Но только обещайте, что не забудете про перец!

Жун Чжао едва удержался от возражений. Он знал — если затеять спор, юноша не отстанет от него до самого вечера. Когда Цзылин ушел, князь взял оставленные листки. Перечитывая описания, он ловил себя на мысли, что написанное выглядит логично. Взглянув на нелепые каракули ванфэй, Жун Чжао тихо вздохнул, взял чистый лист и уверенными движениями кисти начал рисовать растения согласно словесным описаниям.

Несколько мгновений — и на бумаге появилось изящное изображение стеблей и листьев. Закончив, он переписал пояснения своим каллиграфическим почерком. Листки Цзылина он аккуратно убрал в шкаф, а свою копию положил в отдельный ящик, где уже скопилась приличная стопка подобных бумаг.

***

Добившись от Жун Чжао призрачного согласия на экспедицию, Чжу Цзылин пребывал в прекрасном расположении духа. Он с удвоенной энергией взялся за новые чертежи и даже начал обдумывать меню будущего Гастрономического города. От усердия юноша стал есть даже меньше обычного.

Дядюшка Чжоу, заметив это, расплылся в улыбке:

— Ванфэй, наконец-то вы взялись за дело!

Чжу Цзылин лишь хмыкнул про себя. Впрочем, живя в поместье князя Ли в полной сытости, он незаметно перешел от погони за количеством еды к требованию её качества. И поскольку Жун Чжао обеспечивал ему роскошную жизнь, ванфэй решил получше исполнить свою роль «щита». Он как раз планировал лично осмотреть здание будущего ресторана. Почему бы не воспользоваться этим случаем, чтобы лишний раз продемонстрировать городу свой статус?

Вспомнив, что Жун Чжао разрешил ему обращаться к управляющему по мелким вопросам, Цзылин нашел Ван Сяньхэ и сообщил о своем желании выйти в город. Он ожидал мгновенного согласия, но старый управляющий вдруг замялся:

— Ох... Сейчас не самое подходящее время. Может быть, ванфэй подождет несколько дней?

Чжу Цзылин удивился:

— Что значит «не подходящее»? Князь запретил мне выходить?

— Что вы! — поспешно возразил Ван Сяньхэ. — Ваше Высочество никогда бы не запретил вам гулять. Просто...

— Просто что? — недоумение Цзылина росло.

Управляющий долго колебался и в конце концов вздохнул:

— Понимаете, в городе поползли дурные слухи... Касающиеся лично ванфэй...

Эти слухи были делом рук госпожи Ху и принцессы Аньпин, которые приложили немало усилий, чтобы очернить юношу, распространив весть, что он одержим «голодным демоном». После того Праздника любования хризантемами первой под удар попала сама госпожа Ху. Весть о её жестокости к пасынку разлетелась по столице быстрее ветра. Уже на следующий день Чжу Жуйхун почувствовал на себе косые взгляды коллег.

Министр Чжу был в бешенстве. Вернувшись домой, он в очередной раз сорвал злость на жене. Вскоре слухи проникли и в само поместье. Когда чиновник случайно услышал, как двое слуг обсуждают эту историю, он велел нещадно выпороть их палками. Атмосфера в доме стала тяжелой.

Через день на министра подали жалобу. Чжу Жуйхун, извиваясь, пытался убедить всех, что его жена просто «помутилась рассудком». Но гнев его не утих. Он заставил госпожу Ху переписывать сутры в знак покаяния и даже велел написать письмо кровью, чтобы доказать свою непричастность к злым силам.

Госпожа Ху, запертая дома и снедаемая злобой, решила выместить всю обиду на пасынке. Спустя несколько дней в городе начали шептаться о том, что Чжу Цзылин — «голодный демон», и описания его аппетита становились всё более зловещими. Люди, даже не веря в призраков, невольно содрогались.

Поскольку Чжу Цзылин и без того был в центре внимания, а несколько влиятельных семей нарочно раздували пламя, сплетня в считанные дни охватила всю столицу. Ван Сяньхэ боялся, что юноша столкнется с оскорблениями, и потому пытался удержать его в поместье.

<http://bllate.org/book/15829/1439132>